

пк

Светлана Ланцова

18+

вижу
не
вижу

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Светлана Ланцова

ВИЖУ – НЕ ВИЖУ

<https://litres.ru/73806599>

SelfPub; 2026

Аннотация

Последняя редакция Кодекса вышла в 2119 году, если память не изменяет, а сам я родился в начале 2120 года.

В моем скромном мирке много закрытых зон, но жить можно. Поступил в университет Анклава Биоинженерии и Экотехнологий, а после выпуска — там же и остался. Работаю без стресса, спонсорство постоянное, задержек в зарплате нет. Моя последняя идея о создании улучшенного модуля для защитного купола была одобрена руководителем и я долго работал над тем, чтобы её воплотить. Гарантии давать в нашей сфере – себе дороже, но я полностью уверен в себе. Это прорыв в науке, в мире, да и вообще! Поставят ли в честь меня памятник на Центральной площади? Было бы неплохо.

Эй, но почему вдруг все так хотят меня похитить? Бюро, бандиты... на мне что – мёдом намазано? Матрица для купола, ясно?! Она не предназначена для иного!

Содержание

Глава 1. Двенадцать – сорок четыре	4
Глава 2. Прогулки по воде	20
Глава 3. Мечты о небе	38
Глава 4. Странствия дальние	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Светлана Ланцова

ВИЖУ – НЕ ВИЖУ

Глава 1. Двенадцать – сорок четыре

«Все биоматериалы, прототипы и результаты исследований, не прошедшие процедуру сертификации в аккредитованном органе анклава, подлежат изоляции. Их использование, передача или вынос за пределы сертифицированных лабораторий и испытательных полигонов запрещены.»

– Кодекс Объединённых Анклавов, раздел 2 «Закона о сертификации», ст. 102, п.102.1-2

История?

Я ей интересовался. В умеренных количествах.

Мог зависать в визоре¹ часами, изучая, как человечество изобрело первый компьютер, но не знать о приближающем-

¹ Средство связи, которое выглядит как браслет. Отображает информацию в виде голограммы, активируется с помощью сетчатки глаза (или иной команды, если есть физический дефект)

ся катаклизме. Я сам выбирал, что помнить, а что – забыть. Если информация интересовала, то спустя пять лет, спроси кто, я бы пересказал каждую деталь – вплоть до фотографий или материалов статей. Профессора называли меня гением, а родители – растягуем (от слов «растяпа» и «обалдуй»). Потому что я до сих пор не мог объяснить элементарные вещи: где лежит еда в холодильнике, как часто менять фильтры. Я даже не помнил, когда мы в последний раз ездили к бабушке в Шербрукский² анклав, и сколько нужно налить в кастрюлю воды, чтобы не переварить рис.

Временами я слишком много думаю. Однажды попробовал осмыслить весь мыслительный процесс в голове и пришёл к выводу, что каждая мысль о желании что-либо осмыслить порождает ещё с десятков таких же одновременно. Самое вкусное в концепции внутреннего монолога – это спор с самим собой. Гения, безусловно, поймёт только такой же гений. Но, сейчас, разве же я спорю? Нет, всего лишь вспоминаю исторические хроники, пока пишу отчёт.

В первой половине прошлого века происходило много всего: быстрое развитие нейросетей, биомоделирования, геномных трансформаций – и параллельно с увеличением количества их ярых противников. В сети осталась гора цифрового мусора. Например, статьи об авторах контента, судившихся с технологическими компаниями, жёлтые заголовки о

² Город на юге провинции Квебек, Канада, расположенный в административном регионе Восточные Кантоны

запретах и тюремных заключениях, а также пороссячи визги пользователей, наблюдавших за всем этим. Прочее, прочее, прочее. Лень вспоминать!

Многие разработки тогда ушли в подполье – в частности, редактирование генома, благодаря которому я родился без лишней хромосомы и с красивым прямым носом. Одновременно с этим появилась «мода на натуральность», продлившаяся ровно до тех пор, пока все «натуральные люди», то есть без геномных модификаций, попросту не умерли. Умирали постепенно, кому как повезло: кто от лучевой болезни, кто от рака поджелудочной, кто от лейкоза, – в общем, от всего того, что подарила нам термоядерная война.

Примерно в это же самое время биосфера настолько сильно пострадала, что жить как раньше стало невозможно. Забота об окружающей среде была полезна лишь отчасти, так как много где этой среды попросту не осталось: только тринитит³, бесконечные пожары и смерть. Углерод-14 стал любимым видом за окном, словно нейро-фильм, крутящийся среди миллиона подобных ему выродков. Он воспитывал наше поколение, как отец своих сыновей. А солнечная радиация, словно жестокая мать, стала вечной могилой для всех, кто выходил из укрытий без защиты.

Ещё мы потеряли небо. Нет, фактически оно осталось, но мне сложно поверить, просматривая фотографии деда в соц-сетях, что небосвод каждый день рождался заново, и всякий

³ Стекловидная порода, образующаяся при ядерном взрыве на песчаной почве.

раз – не похожим на себя прежнего. Я рос под бескрайним серым полотном, затянутым плотными облаками, оттого облик настоящего неба занимал у меня в памяти особенное место.

После «грибного сезона»⁴, кстати, воцарился мир во всём мире! Ну-у-у, условно. Новые технологии стали жизненной необходимостью, а борьба с ними подобна танцам на могильных крестах. Вокруг определённых технологий образовались анклавы, по сути, огромные конгломераты, разросшиеся до размеров отдельных городов. В мире уже существовало нечто похожее: республики, штаты со своими законами и политикой, но под общей крышей, называемой «государством». Теперь это стало повсеместным явлением.

С учётом того, что новые разработки могли потенциально спасти человечество от вымирания, порог входа сократился. Требовалось три вещи: добровольное согласие всех сторон, легально добытые материалы и... сертификаты соответствия.

В область первого правила также входила власть над заключёнными – следствие велось строго и честно, после чего, если вина признавалась, подсудимый отправлялся на опыты. К слову, я вообще не понимаю, зачем предки содержали тюрьмы – это же бесполезная трата ресурсов!

Что касается второго правила, то оно позволяло исполь-

⁴ Отсылка к грибовидному облаку, образующемуся во время термоядерного взрыва

зовать любые материалы: будь то экскременты, человеческие ткани и прочие органы – если иного не предусмотрено.

И под третьим подразумевались гарантии того, что пострадавшей планете Земля не станет хуже или же этот вред будет нивелирован.

Так что если Вы успешно убедили комиссию в неотразимости собственного проекта, получили видео-согласие всех причастных и заключили пару-тройку контрактов на сбытые материалы – поздравляю, руки развязаны.

Последняя редакция Кодекса вышла в 2119 году, если память мне не изменяет, а сам я родился в начале 2120 года. В моем скромном мирке много закрытых зон, но жить можно. Поступил в институт Анклава Биоинженерии и Экотехнологий, а после выпуска – там же и остался. Работаю без стресса, постоянное спонсорство, задержек в зарплате нет. Моя последняя идея о создании улучшенного модуля для защитного купола была одобрена руководителем и я долго работал над тем, чтобы её воплотить. Гарантии давать в нашей сфере – себе дороже, но я полностью уверен в себе. Это прорыв в науке, в мире, да и вообще!

Поставят ли в честь меня памятник на Центральной площади? Было бы неплохо.

Так, ладно. Ошибки прошлого образца я учёл, следующие-и-ий, пожалуйста!

Слушая любимую песню, я достал из МОФУ⁵свежеиспе-

⁵ Многофункциональное объектно-формирующее устройство

чѐнную матрицу. Она состояла из гуанина, соединѐнного с коллагеноподобными волокнами. Покрыв её тонким слоем хитозана⁶, я наконец смог передохнуть.

Родители дали мне противное имя-отчество – и я долго вынашивал план мести. Всю жизнь, можно сказать. А потом назвал свою матрицу «ГиКиХа» – по первой букве от каждого материала – и сказал им: «Если ребёнка будут дразнить, то это целиком и полностью ваша заслуга».

Вообще, я люблю всякие смешные аббревиатуры и сокращения. Этакая компенсация. Например, мне нравится, как звучит «МОФУ» – словно новый вид болезни или классификации мусора. Но если серьёзно, то я обожаю его. С виду мышь серая – кобыла беззубая, а на деле скрывает внутри вакуумные камеры, плазменные генераторы, лазерные испарители и систему позиционирования с точностью до нанометра! Это самое дорогое оборудование в лаборатории, на минуточку.

Та-а-ак, теперь, когда матрица готова, осталось изготовить трубки. В качестве катализатора я обычно выращиваю наночастицы железа – они совсем крохотные: один мой волос в десять тысяч раз толще.

Когда температура в камере поднялась до восьмисот градусов, ацетилен начал разлагаться, осаждая атомы углерода в

⁶ Биополимер, выделяемый из панцирей ракообразных (или созданный искусственно). Он создаёт водородные связи между гуаниновыми кристаллами и графеновыми нанотрубками, формируя оптико-электрический интерфейс.

форме звёздочек-мутантов. Я смотрел, как на мониторе растут первые трубки – чистые и гладкие, в меру упитанные, свернутые в идеальные цилиндры. Чем-то даже похожи на паучьи ножки. Жаль, несъедобные.

Через двадцать минут первая партия была готова. Ай да Дерек, ай да молодец! Осталось дело за малым: переключившись на режим ионной имплантации, я выбрал на панели управления платину, золото и иридий. Пока они там отжигались, восстанавливались и покрывались ПЭГ⁷, прошло полтора часа.

В установленный срок с подложки я вытащил горячую плёнку и под давлением поместил её на ГиКиХа. Чтобы слои скрепились, подождал ещё час.

Вообще, как бы сложно это не звучало, в составе моего продукта всего четыре основных компонента: гуанин, коллагеновые волокна, углерод и ионы тяжелых металлов.

Гуанин⁸обладал уникальной способностью изменять оптические свойства в ответ на электрические импульсы – именно он обеспечивал маскировку хамелеонам и моллюс-

⁷ Синтетический полимер этиленгликоля, вязкая жидкость или твердое вещество (зависит от молекулярной массы), которое отлично растворяется в воде. Он «обволакивает» нанотрубки и прикрепляет их к коллагеновой сети, не блокируя электропроводность.

⁸ Органический компонент, образующий нанокристаллы в клетках-иридофорах кожи хамелеона. Меняя расстояние между этими кристаллами, хамелеон перестраивает структуру решетки, что позволяет отражать разные длины волн света (синие, зеленые, красные), обеспечивая быструю смену цвета и маскировку.

кам, поэтому в качестве основы для матрицы я выбрал именно его. Нам и сейчас хватает тёмных горизонтов, так пусть хоть мой будет невидимым! Что касается остальных, то коллагеноподобные волокна имитировали структуру натурального коллагена типа I⁹— они формировали трёхмерную сеть, позволяющую удерживать гуанин в структурированной матрице, а также обеспечивали ему эластичность и механическую прочность. Что касается графеновых нанотрубок¹⁰, допированных ионами тяжелых металлов¹¹, то они перераспределяли энергию опасных диапазонов, превращая её в безопасное тепло. Короче говоря, защищали от гамма-излучения и жёсткого ультрафиолета.

Старые купола работали иначе. Они были созданы на основе систем контроля климата, которые до катастрофы разгоняли облака и гасили ураганы. Внутри них поддерживалась нормальная температура — это они умели. Неважно, холод или жара — под куполом всегда было двадцать два градуса. Но радиация? Оксиды азота? Ультрафиолет? С этим старые купола справлялись плохо.

Их матрица была плотной, мутной, она фильтровала «гру-

⁹ Основной структурный белок в организме человека, составляющий около 90% всего коллагена. Он отвечает за прочность и эластичность кожи, сухожилий, костей, связок и волос.

¹⁰ Цилиндрические структуры, свёрнутые из одного или нескольких слоёв графена (одноатомного слоя углерода).

¹¹ Процесс введения в материал (в данном случае — в графеновые нанотрубки) атомов других элементов для изменения его свойств.

бое» – крупную радиоактивную пыль, самые тяжёлые токсины. Гамма-лучи же проникали через неё, как звук сквозь тонкую стену. Коротышки В и С¹² – тоже. Оксиды азота, амбассадоры хронических заболеваний, также проходили сквозь купол почти без потерь, поэтому на улице дышали исключительно с фильтрами. И главное – эти матрицы было видно всегда. Днём они отсвечивали белесой дымкой под серыми тучами, ночью – тускло светились, отражая огни города. Они напоминали о том, что мир сломан.

Мой улучшенный модуль не такой. Он... он станет ребёнком неба – или тем, что от него осталось. Прозрачным, почти незаметным. И под ним можно будет жить так, как задумано природой. Как мой дедушка жил, бабушка... Нет, не завидую им, ведь они родились в смутные времена, но... Если когда-нибудь расступятся облака, я увижу цветной рассвет? Должно быть, он очень... красивый. Рано или поздно добьюсь цели! Мой магнум опус¹³ – моя слава!

Ещё я думал пустить матрицу на материал для костюмов. Она безопасна для человека, лёгкая, упругая и, чисто в теории, могла бы защищать от внешней среды, словно вторая кожа. Но не всё сразу: это уже полностью самостоятельная разработка, причем для человеко-ношения, на неё нужны более строгие разрешения и всё такое.

Кхм, ладно. Я будто речь для доклада репетирую. Ужас,

¹² Коротковолновой ультрафиолет UV-C и UV-B

¹³ Magnum Opus (с лат. — «великое делание», «великий труд»)

до чего доводит профессиональная деформация... Слои уже полностью закрепились, а я тут трачу воздух без дела.

– Дру-дру, пиу-пиу... аллилу-у-уйя, этот мир тако-о-ой краси-и-ивый, когда горы из пластика рушатся в обрывы-и-и-и!.. Когда ржа-а-авые заводы... на-на-на... ста-а-арыми!.. Шепчет эх-...

– Дерек, клянусь дозиметром¹⁴, моя любовь к тебе выше гор и озёр, а уважение подобно камнепаду в жёлтой зоне, но, спешу уведомить, что твой выбор занятия крайне меня расстраивает. Короче, не пой, пожалуйста, больше... Хотя нет, лучше сразу зашей себе рот тромбогелем! Так надёжнее, – высказал собравшийся уходить из лаборатории коллега. Он выглядел как человек, который только что попробовал аппетитную хурму, а она оказалась вяжущей до оскомины.

– Что?

– Ты опять поёшь эту дебильную песню!.. Я думаю, тебе следует сменить плейлист. Например, попробуй послушать классику навроде «Ягода разврата». Отправлю тебе, короче, понравится точно. У меня хороший вкус, много хороших отзывов. А ещё, кстати, профессор сказал, что в конце недели надо предоставить промежуточный образец. Когда уходишь? Ты заперся тут, поэтому он доставал меня...

– А, да? Извини. – Видимо, я сам не заметил, как увлекся

¹⁴ Прибор для измерения уровня ионизирующего излучения (гамма, бета, рентгеновского) и накопленной дозы радиации, используемый для защиты здоровья

своим дорогим прототипом, что перестал замечать что-либо вокруг.

– Да ладно, приятель, я не в обиде, – он панибратски хлопал меня по плечу. – Ты скоро пойдёшь?

Максим – умный парень, но иногда жутко доставучий. Я бегло ответил:

– Когда закончу все тесты и внесу результаты в облако.

– Оке-е-ей. Что делаешь? Нужно заказать новую партию рыбы? Много осталось работы?

Максим, просто иди домой, я разве выгляжу как человек, которому нужна компания? Не видишь, что у меня перед глазами иная любовь?

Но вслух я, конечно, вежливо сказал:

– Не очень. Проведу простейшие тесты на механику¹⁵ и аппликацию¹⁶. В зависимости от настроения. Я уже подал заявку для начала полномасштабных тестов, осталось получить одобрение анклава.

– А-а-а, понял, понял. Лады, бывай. Не забудь выключить свет.

– До завтра, Максим.

Наконец-то он ушёл. Я даже слышал, как запищали дверные датчики, так что это точно. На чём он меня там прервал?

¹⁵ Механические свойства - это способность материалов сопротивляться разрушению или деформации (изменению формы и размеров) под воздействием внешних нагрузок

¹⁶ Аппликационный тест - стандартный метод для оценки контактной чувствительности и раздражения.

Точно, механика.

Расслоения нет. Самовосстановление – 10 минут, это быстрее, чем у предыдущих образцов. Предел растяжимости 149,98%, что на 2% больше, чем раньше. Отлично, отлично. Тогда остается лишь аппликационный тест. Сейчас мне уже лень проводить сложные пробы, поэтому, закатав рукава, я осторожно приклеил матрицу ко внутренней стороне руки. Мягкая, почти невесомая – она приятно увлажняла кожу, придавая ей волшебный синеватый блеск. Обмотав её повязкой, я засёк время.

– Самое время забыть о ней на часа... два? Да, думаю пока хватит.

За это время заварил себе кофе, записал сегодняшние наблюдения и даже подремал. Таймер запищал ровно в срок.

– Так-с, что там у нас!... Хм?

Проведя пальцами по пустому месту, где буквально час назад лежала матрица, я улыбнулся.

– Надо будет завтра взять биопсию¹⁷ и кровь, проверить...

Но сейчас, не заметив никаких изменений, я пошёл домой. В последний раз я там был три дня назад, а нормально не отдыхал ещё дольше – более двух недель.

На выходе из института меня встретила тягучая тишина. Бодрой походкой я успел на последний трамвай. За окном

¹⁷ Метод прижизненного взятия клеток или тканей (биоптата) из организма для последующего микроскопического (гистологического или цитологического) исследования

слабо переливались аварийные лампы и верхушка купола, но смотреть на них желания большого не было. Стоило только снять маску, как очки запотели, и я безуспешно пытался натереть их до блеска.

– Ну и хрен с вами, – буркнул я. Как и думал, поползло антифоговое покрытие, что обидно, но терпимо.

К этому моменту мы остановились уже дважды и в салон зашло ещё четверо работяг.

Долго едем. Вот нас осталось трое.

Чёрт, и давно уже челка в глаза лезет?.. Я распрямил завитки, прикинув, что она отросла на сантиметров пятнадцать и её пора укорачивать.

– Улица Пеленицына, конечная, – объявила добрая женщина из динамика спустя двадцать минут поездки. В трамвае до конечной остановки доехали только двое: я и ещё какой-то мужчина.

Пройду пешочком минут десять – и буду дома.

Эй, почему мне кажется, что тот пассажир идёт следом?

Я не параноик. Наверное, нам просто в одну сторону. Ускоряюсь.

Да что происходит?! Мы уже прошли два поворота этим двусоставным паровозиком, когда он отвяжется?!

– Стоять!

Я замираю поневоле. Лезвие упирается в шею. Оно холодное, острое и воняет помоями. Или это аромат его хозяина? Чёрт, надо было всё же застегнуть воротник... Хотя я ведь

чувствовал, что он странный, мог бы предвидеть – но не сделал этого. Для него я, наверное, выгляжу как идиот, который даже комбинезон правильно носить не умеет.

– Кто вы? – голос вышел хриплым и слабым. Говорить разучился, что ли? Дерек, кретин, соберись!

– Не твоего ума дела, – он надавил сильнее, отчего тонкая струйка крови скользнула в ямку между ключицами. Я сразу почувствовал запах сепсиса и госпитальных счетов.

– Мужчина, может, поговорим? Э-э-э, как Вас зовут? Местный? Нет? Могу экскурсию провести...

– Заткнись, ублюдок!

Дерьмо, переговоры провалились. Он вообще кто? Попытается убить как свидетеля? Но я его даже не видел! Попробовал включить визор, чтобы вызвать бюровских, но этот придурок, будто не бандит, а гадалка хренова, заломал мне руки и накинул на голову тряпку.

– Думаешь, я слепой? Жди и не рыпайся, – он оттащил меня в угол, снял визор, рюкзак и откинул их к противоположной стене. Рана на горле снова открылась и начала кровить из-за его резких движений. – Кирпичи что ли носишь? Вот ведь молодёжь пошла!

– Надо же, мне тоже!.. А Вам какие кирпичи больше нравятся? – паниковал я не хило. Нет, не то, чтобы я трус, но всё же быть в шаге от жалкой смерти с влажной тляпкой на голове – такое себе удовольствие. Исследование ещё не закончено, тесты не проплачены... Лучше бы остался в лаборатории.

– ...чётко. Эй, да по лицу вижу, что ты из таких.

Ой, кажется, он всё это время говорил что-то? Я как-то прослушал...

«Пип-пип!» – запищало вдруг у бандита в нагрудном кармане. Мое сердце тут же пустилось в пляс, как припадочное. Я вот так и умру?.. Тогда и мир умрёт вместе со мной, нет-нет, мне надо закончить... Иначе через десяток лет мы и правда погибнем! Это же такая морока с поиском другой планеты!.. Не хочу переезжать на старости лет. Нет-нет-нет. Остановись. Нет! Нет!..

Будто бы в ответ на мои крики запястье обдало жаром. Пульсация распространилась по всему телу от того места, где растворилась матрица. Ноги, руки, грудь – я чувствовал, будто кожу обвивает невидимая маска. Она, словно новая кожа, оплетала мои черты лица и искажала зрение. Всё длилось каких-то три секунды. И вдруг я обнаружил, что могу свободно двигаться.

– Ч-что за?!.. Как... Куда ты смылся?

Наконец-то я оглянулся. Захватившим меня в плен оказался мужчина с красными татуировками на белках глаз – осуждённый, которому запрещено иметь личные устройства связи. Сейчас он стоял передо мной, испуганно оглядываясь по сторонам. Я и сам был растерян не меньше. Что... произошло?

Дотронулся до шеи – рана ощутимо уменьшилась. А тряпка, что покрывала голову, теперь валялась подле наших ног.

Я отступил, потом ещё... Он не стал догонять, нет, только бешено суеился на месте, словно не видел меня вовсе... По-годи, Дерек. Что ты только что сказал?.. «Не видел»?

Да-а-а... «не видел». А ведь это, похоже, единственное объяснение сложившейся ситуации.

Я – невидимый.

Глава 2. Прогулки по воде

«В состав комплекта входят: комбинезон из дышащей мембранной ткани с интегрированным слоем активированного угля; полумаска со сменными фильтрующими картриджами; перчатки с защитным покрытием; ботинки на изолирующей подошве; капюшон из мембранной ткани для защиты волос и кожи головы. Общая масса комплекта составляет 2–4 кг, подвижность сохраняется практически в полном объёме. Изделие не является герметичным и не предназначено для эксплуатации в зонах с повышенным содержанием токсичных газов или уровнем радиации, превышающим установленные нормы.»

– Руководство по эксплуатации облегчённого защитного костюма, модель «СКАФ-Л»

В детстве я мечтал тайно сбежать в закрытую зону, спать на сырой земле и потом всем рассказывать, что радиация – это выдумки анклавов и что я и тайфун переживу с одним узлом. Но мама была чересчур внимательна. Если бы у меня тогда появилась невидимость, я бы стал самым живучим позёром на свете.

Но сейчас есть дела поважнее, чем вспоминать о счастли-
вом прошлом.

– Ты! Куда сбежал?!.. – чертыхнувшись, бандюга достал из кармана кнопочный телефон и приложил его к уху. – Да! Но возникла проблема... Нет, не успел, он вдруг исчез, что мне делать?

Так, ладно. Надо вызывать Бюро. Подобравшись к вещам, я понял, что всё ещё могу трогать физические объекты. Слышал ли меня головорез или нет – я не знал, поэтому двигался как можно тише. Возможно, это работает только в одну сторону, то есть я могу инициировать контакт, а вторая сторона – нет.

Благо визор оказался не сломан! А то я жутко испугался – его хорошенько так об стену приложило! Активация по сетчатке не сработала, поэтому ввёл номер бюровских вручную.

Готово. Будут через две минуты. А теперь что делать? Вызвать-то вызвал, но вот они приедут, а если этот придурок уже сбежит?

Нет. Надо его задержать. Рядом мой дом! Не хочу столкнуться с ним ещё раз. Думай. Думай! Что же делать, что... А! Точно! В рюкзаке же микроскоп лежит, он весит как минимум десять килограмм.

Аккуратно обогнув смущённого преступника, я поднял рюкзак над головой и со всей дури метнул вниз. Тело упало, не успев вскрикнуть. Звонок прервался в тот момент, когда телефон с грохотом отскочил от асфальта.

Даже у такой рухляди есть пароль... Надеюсь, будет проще.

Так и не узнав ничего полезного, я сел на край дороги в ожидании помощи. Но как я им на глаза то покажусь? Может, надо думать в обратную сторону?

Хочу стать видимым, хочу стать видимым, хочу... Получилось! Как это работает?! Невероятно! Моя матрица не просто спасение человечества, но ещё и мантия-невидимка на полставки.

«Виу, виу, виу!» – через две минуты до нашего закоулка добрались не только бюрошники, но ещё и скорая. Трое – в чёрных спецкостюмах оперативного отдела, и ещё трое – в белом с нагрудной нашивкой в виде красного креста.

– Вызов поступил с Вашего идентификатора? – спросил один из белых ангелов. Он сразу запустил сканирование – сделал мою виртуальную копию, зафиксировал все раны, вывел состояние на голограмму. Потом его коллега ушла за чем-то в машину.

– Да, всё верно, – я виновато отвёл взгляд. Третий медбрат осматривал нападавшего, который распластался в углу в позе, чем-то напоминающей кристаллическую решётку магния.

– Расскажите, что произошло, – по левую сторону от меня стояла молодая бюровская и вносила всё-всё в свой планшет. У неё красивый лоб и брови, видимо, под маской она довольно миленькая. Выглядит так, будто её легко впечат-

лить... Что ж, сделаю рассказ как можно красочнее.

– Этот мужчина преследовал меня с остановки, нет, с трамвая. Он сел на станции Покрова и ехал вплоть до конечной. Сначала я не обращал на него внимания, но потом он вдруг подскочил со спины, пригрозив ножом. Разговаривал так, будто знал меня, ждал кого-то... До сих пор не понимаю, что, собственно, произошло!

– Не заметили ничего необычного в нападавшем?

– От него пахло мусором... И, хоть он и меченый, но имел при себе старый телефон.

Моя совесть чиста, ведь я рассказал всю правду, за исключением невидимости и подробностей о том, как именно она помогла. Всё равно правду они не узнают – на этом участке дороги камер нет, так что нас никто не видел. Но это также говорит о том, что преступник явно спланировал нападение... Вот же гадство, кому я успел насолить? Нет, это не главное. Матрица пока молчит, но что, если я исчезну прямо на глазах у спецслужб?

– Рана небольшая, не волнуйтесь. Мы наложили гель, завтра уже должно затянуться, – белый ангел считал номер моего визора и отослал заключение об осмотре.

Во время допроса один из оперативников, видимо, их капитан, с виду лет на пятнадцать старше меня, крайне пристально изучал место происшествия. Вроде палка на ножках, а как двигаться начнёт – видны накачанные икры и тренированные плечи, так что каждый раз, когда мы сталкивались

взглядами, я мило улыбался и косил под дурачка.

– Оставайтесь на связи ближайшие два дня, выбирайте только отслеживаемые маршруты. Мы пригласим вас в Бюро контроля, как только уладим формальности по делу. – В конце концов, капитан удостоил меня персональными наставлениями. «Белов А.В.» – именно так гласило имя на бейдже – смотрел плотоядно, будто бы до конца не верил, что «Идентификатор 330-22-475, Коляни Д.Д.» тут главная жертва.

Притворившись взволнованным, я тихо переспросил:

– Зачем это?

– Во-первых, Вы помогли в задержании опасного преступника, за него назначена награда. – Белов А.В. скрестил руки на груди. – И, во-вторых, Вас могут попытаться похитить ещё раз.

– О как!

Белов А.В. приподнял бровь:

– Не бойтесь?

– О... Ясно. Если на этом всё, я пойду.

Бюровские явно пошлют за мной хвост, так что я буду в безопасности, куда бы ни пошёл. О каком страхе тогда речь? Да и вообще, я тут, на минуточку, создал нечто, не только делающее человека невидимым, но и размывающее границы его присутствия – какое такое «нападение», его можно съесть? Не интересует! Хочу поскорее попасть домой, чтобы всё исследовать!

Но не тут-то было – пока информация подгружалась на

визор, Белов А.В. следовал за мной, словно призрак:

– Будьте внимательны на дорогах. Доброй ночи, Дерек Дмитриевич.

– Просто Дерек. Спасибо.

Вплоть до поворота я чувствовал, как его взгляд – пристальный, холодный – прожигал мне спину. Какой серьёзный, аж тошно.

Когда свет загорелся во всём доме, ко мне пришло внезапное осознание:

– А я свет в лаборатории не выключил.

– Хотя погодите, там же умная система, почему я вообще должен выключать свет?

– Точно. Она сломалась утром и её пока не починили.

– Максим опять присядет на уши... Сплошная морока!

Затем я написал одному из роботов-помощников, обслуживающих здание, и попросил выключить. Тот быстро ответил, что света нет. Получается, я всё же не забыл – какой молодец!

Раз с этим разобрались, пора переходить к главному блюду. Не разуваясь, я направился в спальню, по совместительству мою каморку алхимика: она была небольшой, но функциональной. Кровать выкинул год назад, так как она занимала лишнее пространство, а на её прежнем месте поставил

рабочий стол. Отодвинув всё лишнее, я в кои-то веке изучил участок руки, на котором три с половиной часа назад лежала чудо-матрица.

Попробовал снова представить себя невидимым, а затем посмотрел в зеркало. Что-то не так... чего же не хватает?

В тот момент я был напряжён, несколько испуган и хотел сбежать. Дело в стрессе? Волнении? Но я переживал и когда шёл по улице, а он за мной, так что же изменилось в переломке?

– Разомнись-ка, чтобы кровь прилила в нужное место, – заявил я понурому парню напротив, – А ты думай!

Пара-тройка приседаний и тридцать отжиманий – я двигался до тех пор, пока голова не закружилась.

– Слушай сюда, ты либо сейчас исчезаешь, либо я продолжаю тренировку, – строго сказал я отражению потного, скрючившегося задохлика в белой майке с лохматым тёмным безобразием вместо волос. Его перекосило, как прокажённого, стоять он ровно не мог, приходилось опираться руками о колени. К тому же лёгкие болезненно ныли, а мышцы сводило адской судорогой – это придавало угрозе весу.

Зажмурившись, я ещё раз представил те ощущения: бурление крови, новая материя, стянувшая кожу... Когда я снова открыл глаза, то в зеркале никого не было! Я видел свои руки и мог свободно трогать одежду, но при этом нигде не отражался.

– Выброс адреналина – одно из условий активации. На

время я становлюсь невосприимчив для глаз других людей... Интересно, а что насчёт камер?

Включив запись на визоре, я проделал фокус ещё раз, а затем промотал видео на середину. Пусто.

– Ха! Отлично, теперь я могу официально считаться отцом гениальности! – я сорвал с себя костюм, вскинув руки в победоносной позе, – буду пробовать до тех пор, пока не упаду! Через пару часов проверю сухость кожи, слизистых, а ещё температуру тела. Какой мой предел? Можно ли умереть, делая это из раза в раз? Как же... м-м-м, возбуждающе!

Первое, что я увидел в кадре, вновь став видимым – это горящие маниакальным блеском чёрные глаза, не сулившие сегодня ни минуты сна. Губы невольно расплылись в улыбке – давно я не чувствовал такого куража.

Беспокойная ночь выдалась, но зато я выяснил всё, что мог в домашних условиях. Предел переходов «вижу – не вижу» зависел от количества воды в организме. Когда я испытывал жажду, прыгать туда-сюда становилось сложнее. Также подтвердил кое-что уже знакомое – сенсоры игнорируют состояние «не вижу», поэтому-то активация по сетчатке не сработала. Ещё заметил, что спустя пару часов опытов я стал излишне восприимчив к свету, и разболелась голова. Казалось, будто всё вокруг гудит в унисон, играя элек-

тро-рок на барабанных перепонках.

Мигрень наконец утихла, когда до работы оставалось меньше двух часов. Я вышел из дома сразу после лёгкого завтрака.

– Доброго утра, Дерек Дмитриевич! – помахала мне вчерашняя милашка из Бюро. Она стояла возле подъезда в окружении двух служебных машин с мигалками, трёх бугаев с мускулами как у горилл, и толпой соседей, сбежавшейся вниз, чтобы поглазеть на представление.

– Просто Дерек, пожалуйста. Но, эм, какой приятный сюрприз... Что бы это могло значить? – Почесав за ухом, я обвёл взглядом россыпь визоров с запущенной прямой трансляцией, и устало выдохнул. Сотрудницу, что приехала навестить меня, звали «*Коренина И.И.*», и, если бы не ситуация, я бы даже посмеялся.

– Просим Вас проехать с нами, – Коренина И.И. приглашающе указала на открытый салон машины. – Подробности объясним на месте.

– Что, если я не хочу?

– Тогда... – она похлопала по плечу одного из громил, смущённо глянув на меня исподлобья, – мы Вам поможем!

Я не хотел устраивать ещё один уличный концерт, как бы сильно этого ни жаждали соседи, поэтому послушно сел внутрь. После фильтрации воздуха в салоне все наконец-то сняли маски и я смог получше рассмотреть «похитителей».

– Не переживайте, Вам всё объяснят, правда! – Коренина

одарила меня дежурной улыбочкой. Если так подумать, рот у неё всё же большеват, да и брови не такие уж симметричные... Черт, чем больше смотрю на её ухмылочку, тем больше сводит мышцы лица.

– Я и не переживаю, – промурлыкал я в ответ, затмевая своей улыбкой даже директора, обещавшего премию в конце квартала.

– К-капитан... эм-м-м, он предупредил, чтобы с Вами обращались хорошо. Так что... правда, не п-переживайте. – Она отвела взгляд, нервно заерзав на месте. Не зря родители говорили, будто моё обоняние помогает при запорах, ха-ха. Выкуси!

– Спасибо ему, что ли.

– Д-да... м-может, Вам нужно что-то?

– Нет.

Кроме женщины-ИИ никто не пытался со мной заговорить. Ну и пожалуйста, больно надо.

Спустя N-ное количество времени мы добрались до Бюро контроля. Как собаку на привязи меня провели по коридорам, а затем усадили в комнате со странным потолком. В тамбуре можно было сложить личные вещи, выпить водички, а также подумать о жизни в течение минуты. Почему минуты? Сам не знаю. Таковы условия прохождения игры под названием «допрос».

– Располагайтесь, – послышалось из динамиков. Ура-а-а, первый уровень пройден.

Внутри процессуальная не представляла собой ничего интересного: белые стены, серый пол, камеры то тут, то там. Больше похоже на могильную ячейку, но о вкусах не спорят – зато теперь я точно уверен, что попал в ту самую знаменитую комнату для допросов. Знаменита она в узких кругах тем, что каждый, кто сюда заходит, не помнит ничего на выходе. Допрашивают обычно несколько раз, но вот какой из них первый, а какой – третий, на месте не разберёшься. Тот случай, когда стартовая минута имеет значение. Даже я не понимаю, который раз меня приглашают за этот шикарный стол.

Помимо прочего, компанию мне составляли пятеро: Белов А.В., двое в штатском с терминалами, и Коренина с одним бугаем у двери. Пока оперативники прятались за тёмным стеклом, парочка в штатском ушла. В допросной остались лишь я и светловолосый капитан, сидящие друг напротив друга.

– Коляни Дерек Дмитриевич, верно?

– Просто Дерек, заранее спасибо.

Из переговорной хихикнула Коренина И.И. Стоило капитану посмотреть в камеру, как динамик в ту же секунду притворился мёртвым.

– Прошу прощения за мою коллегу. У Вас... довольно редкое сочетание имени и фамилии.

– Очень модное имя, я знаю, поэтому не надо по имени-отчеству, иначе психану. А вообще, Вас самого полно-

стью как звать?

– Белов Артур Владленович.

– Биологически активные вещества, значит.

– Кто?

– Вы.

Он посмотрел на меня как на идиота:

– Комиссия по делам детей, – и, немного подумав, добавил, – Кристально девственный дебилизм. Устраивает, Колияни?

– С чего Вы взяли, что я девственный? – Раз уж меня внезапно арестовали, хотелось развлечься хоть чем-то, а бесить серьёзных людей как раз забава на тысячи часов кряду.

– Это был риторический вопрос, – у капитана нервно дёрнулся глаз. Успех один – ноль в пользу Колияни!

– Вы не спрашивали, но наверняка интересно, почему так?

– Не оч-...

– Папу зовут Мэттью, но это имя с трудом склоняется, поэтому мама записала меня как Дмитриевич. Знаете, я обычно не настолько разговорчивый, но Вы тако-о-ой хороший слушатель, так и тянет поговорить о жизни!.. Знаете, кт-...

Артур Владленович сжал губы в трубочку, но не проронил ни одного лишнего слова:

– Понимаете, почему Вас задержали?

– Конечно же не понимаю! Выхожу я из дома и вижу служебные бибики. Всех соседей на уши поставили! Уверен, я

теперь местная звезда.

– Просим прощения за неудобства, – Белов прикрыл рот кулаком и чуть сместил центр тяжести, развернувшись лицом к стене. Его плечи мелко дрожали.

– И всё? Разве я не заслуживаю объяснений?

– Чуть позже. Что вы делали по возвращении домой?

– Э-э-э, резко перескочили с темы, как грубо. Я ел и спал, а что? Спать полезно для здоровья, я вообще много времени в кровати провожу, Вы даже не представляете!.. Кстати, да. На самом деле, спасибо, что арестовали перед соседями – будет очередным напоминанием родителям о том, какой у них великий сын...

– Хах.

Что-что? Мне не показалось?! Он сейчас смеется?!

– Не понимаю, в чём причина Вашей реакции, – кисло ответил я.

– Прошу прощения, не обращайтесь внимания, – ответил он уже с нескрываемой смешинкой во взгляде.

– Нет, так не пойдёт, расскажите и мне тоже, чтобы мы вместе посмеялись. Я тут байки травлю, и даже не знаю, какая довела Вас...

Капитан больше не мог поддерживать суровый вид – его первоначальный настрой ошеломительно быстро трещал по швам. Видимо, мой вопрос стал последней каплей, потому что он уже в открытую ржал и почти по-доброму глядел на меня, взорвав словесную бомбу:

– Хорошо, тогда спрошу напрямую. Что Вы успели узнать о своей невидимости?

– Вот чёрт... Ла-а-адно, допустим. Допу-у-устим. Но тогда и Вы скажите мне честно, я не первый раз на допросе, да? Теперь это очевидно, но всё же...

– Да, – видимо, не в силах следовать протоколу, Белов полностью отошёл от изначального плана и говорил со мной чуть проще, глядя глаза в глаза, без шаблонных заготовок.

– И я уже всё рассказал?

– Про конкретную работу матрицы я не знаю, но да, всё, – сверкнул он зубами. – Хотя истории каждый раз Вы придумываете весьма занимательные, одна бредовой другой.

Полный провал...

– Не смотрите так удручённо, мы на Вашей стороне, – капитан придвинул ко мне планшет с фотографией вчерашнего бандита. – Владимир Гулагин, 56 лет. Ранее осуждён за убийство, был передан в опытную лабораторию, но затем... кто-то, кто Вам знаком, помог ему сбежать. У нас есть подозрения, но чтобы точно во всём разобраться, нужно знать Вашу точку зрения, Дерек Дм-... Дерек.

– Ждали, пока я опозорюсь, чтобы рассказать всё... Почему я вообще должен верить, что это не ещё одна изощрённая попытка?

Внезапно на стене передо мной включилась проекция: обстановка точно такая же, как и сейчас, но я там говорю о том, что ушёл с матрицей домой и дико ругаюсь, а Белов – более

собранный, угрожающий – ходит вокруг меня, отбивая похоронный марш сапогами. Я перевёл взгляд на капитана. Он остановил запись и продолжил:

– Вас арестовали именно для того, чтобы усыпить бдительность подозреваемого. Если не хотите сотрудничать, мы запросто посадим Вас по 102 статье, выбирайте.

Снова на проекции проиграла запись с камер: на этот раз я на ней приклеиваю к запястью матрицу, а затем накрываю повязкой. На протяжении всего этого лицедейства Белов гаденько ухмылялся, сложив руки в замок. Теперь я знаю, у кого Коренина И.И. подцепила заразу...

– Вдох-выдох-сдох. Ла-а-адно, уломали. Но кто на меня донёс? Да, матрица ещё не сертифицирована, но она полностью слилась с моей кожей, поэтому я просто не мог её невынести! Или надо было наживую себя резать?

– Нет, конечно. Доложил на Вас один из рядовых сотрудников, но мы уверены, что за всем стоит Цепкин Егор Константинович, нынешний директор института. Он и ещё группа людей были косвенно замешаны в одном крупном деле, но до сих пор у нас не было веских доказательств, чтобы привлечь их к ответственности. Ваш случай особенный – видимо, афиширование улучшенного модуля сильно навредит их планам. Как Вы знаете, нарушение Закона о сертификации накладывает определённые ограничения на рабочий процесс.

– Цк, естественно, знаю. От двух до трёх лет нельзя зани-

маться исследованиями, а в худшем случае права на изобретение будут переданы под полное ведомство анклага. – Голос мой дрожал от гнева, да и не только он – меня просто раздирало от ненависти, что хотелось разгромить здесь всё, с корнями вырвать отребье Цепкина из института и хорошенько вмазать. Но я держался. Ещё не время. Я выберусь из дерьмища, что они наложили, и отомщу.

– Где находятся другие образцы?

– В шкафу... Если так подумать, вчера я точно не выключил свет, значит, кто-то был в лаборатории после меня и сделал это. Вы ездили в институт?

– Нужно разрешение анклага, однако ещё один из подозреваемых занимает там важную должность, так что мы лишь вспугнём их. Нам предоставили записи с камер до Вашего ухода, а те, что после, нет. Сослались на неполадки с охранной системой.

В ответ от меня прозвучал набор нецензурных слов.

– У Вас раньше были разногласия с директором?

– Напрямую редко общались, в основном через профессора. Но я планирую исправить это недоразумение, проглотив ублюдка заживо! – Стоило только подумать о нём, как запястье опять обожгло жаром. Спокойно... не могу же я исчезнуть прямо с допроса, верно?

– Профессор ранее просил Вас передать образцы?

– Не помню.

– Вы понимали, что разработка может быть использована

не по назначению?

– Нет... не понимал.

Стоило сказать это и все силы разом покинули меня. Я действительно не думал, что, делая добро, кто-то может обернуть его во зло.

– Матрица стабильна? Как она активируется?

– Стабильна. Боли нет. В её составе были коллагеновые клетки, так что она очень совместима с человеческой кожей. Активируется при всплеске адреналина, автономно. Или же при желании. Наверное, она контактирует с нервными сигналами. Я не успел изучить её так подробно.

– Хорошо, достаточно. – Он отложил планшет в сторону. – Последний вопрос, согласны ли Вы сотрудничать с Бюро дальше? В случае отказа всё равно придётся пожить здесь до конца дела.

– Выбор без выбора какой-то. Либо я приманка пассивная, либо активная.

– Так что Вы выберете?

– Я согласен сотрудничать со следствием и также использовать свои новоприобретённые способности во благо всех, – мы пожали друг другу руки. – Довольны? Вы же наверняка хотели, чтобы я использовал невидимость.

– Не спорю. Но если бы Вы отказались, то мы бы не настаивали, – впервые с начала разговора капитан выглядел настолько воодушевлённым. – И всё же, спасибо. Вы внесёте огромный вклад в правосудие.

Ещё не поздно отказаться?..

Глава 3. Мечты о небе

«Любые формы экспериментов (...), а также тестирование любых разработок – независимо от их назначения, стадии готовности и предполагаемой сферы применения – допускаются исключительно на основании добровольного информированного согласия каждого участника либо его законного представителя (...). К исключениям относятся лица, осуждённые за преступления, вступившим в силу приговором суда (...). Любое отступление от настоящих положений квалифицируется как преступление против человечности.»

– Кодекс Объединённых Анклавов, «Закон о добровольном согласии»

Меня подвели к стойке регистрации и оставили на съединение умному помощнику.

– Даете ли Вы добровольное согласие на сотрудничество в рамках протокола, пункт двенадцать?

– Да, да.

– Вам выдан временный статус подрядчика, – известил меня он, моргнув синими точками на экране, и открыл

крышку на животе. – Положите левую руку на подложку согласно инструкции.

Я сжал пальцы в кулак, а затем зафиксировал кисть на чёрной пластине металлическим браслетом:

– Готово.

– Ждите... ждите... ждите...

Внутреннюю сторону запястья поцеловало нечто холодное и склизкое, после чего процедура завершилась. На месте касания теперь красовался временный чип со штрих-кодом. Когда в качестве проверки я отсканировал его у робота, высветилось следующее: [*Коляни Д.Д., временный подрядчик, уровень доступа: 3Б.*]

– Неплохо, – я с интересом заглянул в отсек биометрии, но робот, засмутившись, спрятал животик и уехал. Да уж, красота – не то слово. У нас в институте таких милых администраторов нет, большая часть электричества уходит на рабочее оборудование, поэтому наш максимум – сервисные роботы, и то на энергосберегающем режиме.

Тут вдруг на периферии появилась женская нога.

– Вы были здесь! – Я задрал голову, столкнувшись взглядами с одной из штатных сотрудниц, присутствовавшей на начальном этапе допроса. Если так подумать, она могла быть там с самого начала и всё слышать, да?

– Был, – я осмотрел её с ног до головы, размышляя, стоит ли сейчас краснеть или поздновато спохватился. Мой второй позор она не слышала. Но что, если в первый раз я тоже

нёс какую-то высокомерную чушь? Хотя... Да какая разница, слышала она или нет, я ведь и правда веду себя как напыщенный сноб!

– Здравствуйте-цс, Дерек Дмитриевич. Я – Анастасия, – девушка говорила нараспев, чуть присвистывая на окончаниях.

– Вечер добрый. Просто Дерек, спасибо, – пробормотал я с убийственным спокойствием.

– ...Дерек, вижу, Вы уже получили временный пропуск. Следуйте за мной. Мне поручили провести для вас экскурсию и рассказать о вашем уровне доступа.

– Хорошо.

Первым делом Анастасия показала мне отдельную пристройку, в которой располагалось общежитие для сотрудников. Там же были и спец помещения – эдакие каморки 40 на 40. На одну такую приходилось две комнаты: для подопечного и для наблюдателей. Свой закуток я опознал по потрёпанному рюкзаку, стоявшему у порога.

– С завтрашнего дня Вам официально назначат сопровождение. Временно будете жить с ними... Осторожно, высокий порог. Ой, на чём я остановилась?

– Что жить буду.

– Точно. Значит-цс, по поводу перемещений. Доступ в лабораторию с 8 до 20, завтрак с 6 до 9, обед с 12 до 16, ужин с 17 до 21. Туалет, ванная – внутри всё есть. Когда захотите пойти в лабораторию или столовую, сообщите любому из

наших сотрудников. По крайней мере один из них должен всегда сопровождать Вас.

– Кого ко мне приставили? – спросил я, скрестив руки на груди. Изнутри дверь жилого блока открывалась только с помощью пропусков 3А и выше, так что я примерно понял, каков расклад. «Сопровождать» – мягко сказано, очевидно, ко мне приставили охрану. Боятся, что из Бюро выкрадут? Но разве не в этом смысл приманки?

– Двоих наших сильнейших оперативников. Они приезжали на арест, может, помните. И Артура Владленовича тоже – но он будет появляться нечасто, дело в самом разгаре.

– Капитана? Как расточительно.

– Как бы... В общем, на самом деле нет. Ваша ситуация особенная. Есть вероятность того, что и это не поможет-цс...

– В смысле?

– Кхм, в общем, не волнуйтесь! Наши оперативники не станут вмешиваться в Ваши личные дела. Если возникнут какие-то вопросы или жалобы, то Вы всегда можете передать их через служебных роботов.

Затем меня проводили на нулевой этаж, чтобы показать «маленький» исследовательский центр. Да если это – маленький, то у меня тогда вообще наноскопический!

Там было несколько помещений, каждое с датчиком 4А и выше, но один из залов мог открыть и я. Внутри оказалось неожиданно чисто и по-армейски функционально. Вдоль одной стены стояла камера с тепловизором на штативе и ста-

ционная сеть, вдоль другой – кресло со множеством мягких датчиков, именуемое фобосом. Это такая дешёвая модель детектора лжи, использовавшаяся до создания легендарной допросной. В углу же обнаружился оружейный сейф, а рядом с ним – пара прозрачных щитов и электрошокеры на магнитах.

– Чтобы ни у кого не возникало соблаз-с-сна, – пояснила Анастасия, заметив мой взгляд. – Остальных сотрудников предупредили о Вашем приходе, поэтому можете свободно пользоваться всем, чем нужно.

– Вы их прогнали, что ли?

– Помещение учебное, сюда редко кто заходит.

– Понял. – Что же, тогда мне не о чем больше просить. Этого достаточно для изучения невидимости, к тому же мой маленький микроскоп всегда в рюкзаке.

Вскоре Анастасия ушла, оставив меня одного. Пока я копался в приборах, подбирая, что нужно для цивилизованного теста, в гости заглянул капитан Белов. С учётом предупреждения Настеньки было неожиданно его увидеть. Оно само припёрлось, гляньте, люди!

Ах да, тут кроме нас двоих никого больше нет.

Подключив к себе датчики фобоса, я настраивал интерфейс, чтобы видеть все показатели разом:

– Это всё нужно, чтобы засечь изменения в организме в момент активации матрицы... А вот это – для... – сам не зная зачем, я объяснил весь последующий процесс и даже

показал, что хочу зафиксировать и как. Капитан молча стоял у двери и слушал, не перебивая.

– Если так интересно, – я не удержался и передразнил его, – не хотите помочь?

– Почему бы и нет. Что надо делать? – под моим ошеломлённым взглядом капитан подошёл ближе, рассматривая, что я там понатыкал в настройках. – Если найдём провод от принтера, то потом сможешь распечатать результаты.

– Провод?! Распечатать?! – теперь я не мог смотреть на капитана без жалости. – Что за стариковские словечки? Ему же наверняка и сорока нет...

– Пусть ты и отвернулся, не думай, что я не слышу, о чём ты думаешь.

Видимо, задело старика. Пора привыкать: старой кошёлкой уже быть нелегко, а он ещё и нервы портит! Но расплаты я, конечно, не ожидал, а она наступила:

– Оставьте моё ухо в покое! Ай, ай, я понял, понял... Простите! Вы совсем не старый! Совсем не старый! Отпустите!.. – освободившись из плена, я обиженно потёр покрасневшую раковину. – Перед Вами, вообще-то, ценная приманка!

– И?

– Почему совсем не бережёте меня? Я довольно хрупкий, посмотрите: мышц совсем нет, сутки с утками сижу на работе, – я расстегнул часть костюма, но пояснить за хрупкость было нечем. Из-за ношения микроскопа каждый день туда-обратно, мои плечи и спина стали довольно рельефны-

ми. – Чёрт, ладно, это...

– Не знал, что в институте Биоинженерии выращивают уток.

Нет, я передумал извиняться! Он в открытую издевается надо мной!

– Подумаешь, оговорился. Сами-то почему перешли на «ты»? Или это тоже в воспитательных целях? Ладно, тогда я тоже. Артур Владленович, садись-ка в кресло.

Он беспечно хмыкнул, словно наблюдал за детской выходкой:

– Я?

– Да, садись. Смотри на показатели и говори, как они меняются.

Сосредоточившись на ощущениях, я стал невидимым под растерянным взглядом Белова:

– Ну как? – покрутившись из стороны в сторону, я пару раз присел, а затем сильно себя ущипнул.

– Ничего не вижу, – голос капитана звучал ровно, но в нём чувствовалось напряжение. – Датчики... они тоже исчезли, когда ты исчез. Но показатели на экране продолжают обновляться.

Он замолчал на секунду, вглядываясь в данные.

– Температура кожи 38.2, подскочила на полтора градуса. Пульс 96, был 74. Мозговая активность снизилась почти на сорок процентов, но отдельные зоны... там, где обрабатываются сенсорные сигналы, – работают на пределе.

– Слышите... слышишь меня? – спросил я, чуть подавшись вперёд.

– Отлично слышу.

– Точно не видишь? – помахал рукой перед лицом капитана.

– Нет, – Белов даже не повернул голову в сторону звука.

Тогда, сделав шаг в сторону, я прошёлся вдоль стены. На мониторе сместилась только картинка тепловизора – смазанное пятно, движущееся по комнате, но не имеющее чёткой формы.

– Интересна-а-а, – пробормотал я, подходя к оперативнику почти вплотную и касаясь его бейджика, – а сейчас где?

– Судя по тепловому следу, прямо передо мной, – испытуемый не шелохнулся. – Но не чувствую ни дыхания, ни запаха. Звука шагов тоже нет, только голос.

– А теперь проверь кое-что другое, – сказал я, всё ещё оставаясь невидимым. – Попробуй до меня дотронуться.

Белов медленно поднял руку и вытянул её вперёд, туда, где, судя по тепловому следу, находилось моё предплечье.

Его пальцы упёрлись в пустоту. Вернее, в меня. Я почувствовал лёгкое давление – твёрдое, отчётливое, но не неприятное. Он надавил сильнее, его ладонь легла мне на локоть.

– Твёрдое и слегка тёплое, – произнёс он, чуть нахмурившись. – Но если бы не тепловизор, я бы не понял, что ты тут.

– Забавно. Возможно, искажается нейро-сенсорное восприятие? А давай-ка так: попробуй пройти сквозь меня, ну,

как будто ты не знаешь, что здесь кто-то стоит.

Белов встал с кресла и шагнул вперёд. Его тело врезалось в моё – толчок, от которого я едва удержал равновесие. Он замер, уперевшись руками в мои плечи, словно в невидимую стену.

– Как видишь, не получилось, – признал он, отступая на шаг.

– На что похоже столкновение?

– На тренировки в аэро-туннеле. Когда внезапно меняется поток и тебя швыряет в стенку.

– В Бюро и такое есть?

– Раньше я был зачистчиком, – Белов грустно улыбнулся.

– Тренировки в таких условиях нужны, если во время спасательной операции начнётся катаклизм.

– Никогда бы не подумал, – я даже на миг стал видимым и искренне осмотрел капитана с ног до головы, – ты ведь такой худой.

На его лице заиграла ироничная ухмылка:

– Может, это одна из причин, почему я ушёл. С экспериментом покончено? Мне нужно возвращаться.

Я не понимал, что не так, но знал: что-то точно не так. Стало неловко от того, как потяжелел взгляд капитана.

– Почти, – я не так резво, как прежде, обошёл его и встал у стены, – попробуй найти меня вслепую.

Капитан закрыл глаза. Протянул руки вперёд и медленно пошёл. Я стоял неподвижно. Его ладонь прошла в сантимет-

ре от моего лица, потом другая – у самого горла. Он ошупывал воздух, но не касался меня. Когда расстояние сократилось до нуля, его пальцы вдруг наткнулись на мою щёку.

– Здесь, – сказал он, не открывая глаз. – Дыхание чувствую – едва-едва, но есть.

Он отдёрнул руку и открыл глаза. Его взгляд снова прошёл сквозь меня.

– Ладно. – Я стал видимым, чувствуя, как матрица отпускает тело. – Даже из этого я могу вычленить два основных правила. Правило номер один: сквозь меня не пройти. Правило номер два: стены я тоже не прохожу.

Белов подошёл к бетонной стене и постучал по ней костяшками.

– Проверим?

– А давайте... давай.

Я разбежался и врезался плечом в стену. Было больно.

– Не работает, – прохрипел я, потирая ушиб. – Чего лыбьтесь? Отомстили, радостно теперь?

– Я и не злился.

– Ага. Просто очень громко думал... и.

Белов покачал головой – то ли от веселья, то ли от моей гениальности – и что-то записал в планшете.

– На сегодня достаточно, – выдохнул, расслабляя плечи. Матрица откликнулась сразу. Пульсация замедлилась, границы тела стали чёткими. На мониторе упали показатели температуры и пульса, а мозговая активность, наоборот, по-

ползла вверх.

– Как ощущения?

– Немного кружится голова. И сухо во рту, – признался я.
– Но в целом... как после хорошей пробежки.

– Больше похоже на лихорадку, – Белов откинулся на спинку стула, рассматривая распечатанные графики, – Сам посмотри.

– Хм-м-м. Я примерно понял, в чём дело, но нужно больше испытуемых. Было бы неплохо собрать выборку из человек двадцати и проверить!..

Но мои мечты прервало внезапное сообщение, пришедшее капитану. Судя по лицу, новости были плохими – он мгновенно нахмурился. Затем его взгляд обратился ко мне:

– Твой коллега Максим Фазанов исчез. Мы потеряли его на границе между двумя анклавами. Неизвестно, жив он или мёртв. Между тем профессор на днях выехал в соседний анклав. Судя по сообщениям, у него с собой огромный чемодан для перевозки биоматериалов.

– Понятно.

– Думал, хоть немного испугаешься, но... что сейчас, что тогда – у тебя невероятная устойчивость к плохим новостям. Мы направили за профессором группу перехвата. Фазанова ищем. Подожди минуту, я вызову другого сопровождающего.

Он уже направлялся к выходу, как я неожиданно поплёлся следом.

– Дерек?

– Эксперименты на сегодня – всё. Спасибо за помощь. Раз такое происходит, я тоже хочу быть в курсе.

– Пока не могу объяснить всего, но как только, так сразу. Мы зашли в лифт гусиным строем.

– Если долго будете держать меня в подвешенном состоянии, я же могу много чего надумать и сам ринусь спасать друзей.

– Если боишься, то так и скажи. Не хочу искать дорогого гостя по всему Бюро.

Это он так шутит что ли?!

– Исчезать я не собираюсь, если только Вы не напугаете меня нарочно, капитан. – Я украдкой взглянул на его серьёзное лицо, – Вы же не собирались?

– Нет, но на территории Бюро постарайся не исчезать.

– А если со мной что-то случится? Разве найдётся у беглеца время предупредить?

На третьем этаже мы столкнулись с Корениной И.И., и она как раз слышала последнюю часть фразы. Белов и его ученица переглянулись.

– Будем надеяться, что такого не произойдёт, но если произойдёт – в первую очередь спасайте себя! – пламенно произнесла девушка. – Скоро всё закончится!

– Ага...

Мы распрощались после того, как один из бугаев сменил караул. Звали этого громилу Тиша – и имя своё он оправды-

вал: не шибко разговорчивый. Я быстро перестал обращать на него внимание, решив прошвырнуться по тем этажам, где ещё не был.

Коридоры у них приличные, везде плакаты голографические висят: *«Соблюдайте протокол биобезопасности»*, *«Утилизация фильтров – только в специальных контейнерах»*, *«Курение запрещено во всех зонах, включая личные помещения»*. Забавно: у нас на стенах всё время крутили записи публичных выступлений, церемоний награждения – и постоянно тыкали в лицо доской выдающихся сотрудников.

– Странно осознавать, что я до сих пор не в институте, хотя солнце уже давно в зените.

– ...Да.

Я покосился на Тишу – тот шёл рядом, стараясь держать под своим контролем всё помещение, не упуская меня из фокуса своего внимания и точно не был похож на человека, расположенного к душевным разговорам. Ну и ладно.

Что там дальше?

На первом этаже нашли своё пристанище рабочие кабинеты, столовая, комната отдыха, несколько допросных и камеры временного задержания. Я туда не заходил, просто читал надписи на табличках. На втором – начальники покрупнее сидели, там находились кабинеты заведующих, администрации и прочих птичек. А на третьем – конференц-залы для больших и малых компаний. Вдоволь нагулявшись, я спустился к столовой. Тиша исправно следовал за мной, как

тень.

Из столовой раздавались тихие разговоры и шум приборов. Зайдя внутрь, я осмотрелся: застеклённая стена открывала вид на город внизу (да, здание Бюро стояло на возвышенности). По всему залу были расставлены маленькие столики на 1-2 человека, а на стенах висели клумбы. Тут действительно было много всяких растений – в центре столовой вообще росло огромное дерево, ветвями уходящее в бесконечность. Под него даже дырку сделали сквозь верхние этажи.

– Эй! Идите к нам! – окликнул оперативник, что вчера был на выезде. Если бы не позвал, я бы вообще его не вспомнил. Рядом с ним сидела Анастасия, а также второй бугай из моей охраны.

Не то чтобы я любил есть вместе с кем-то, но и не ненавидел. Со мной мало кто общался – считали слишком сложным и нудным. Хотя, если сяду с ними, расспрошу про то огромное дело, из-за которого меня сейчас держат как аппетитную приманку для навозных жуков.

– Приятного всем, – выдвинув стул, я сел рядом с экскурсоводом, – Что подают?

– Мясо, рис. Ты тоже можешь брать-цс, уровень доступа позволяет, – она улыбнулась мне, показывая свою тарелку. Рис, правда, выглядел как гречка. Надеюсь, и вкус такой же.

Наспех выбрав предложенный набор продуктов, я вернулся за столик:

– Вы сами мясо культивируете?

– Нет, сотрудничаем с-с-с институтом питания. Вкусно?

– Неплохо, – несмотря на свои слова, ел я довольно бодро.

– Кстати, а что за дело, из-за которого меня здесь держат? Артур говорил загадками, но ничего толкового.

Их явно передёрнуло, когда они слышали «Артур», но никто ничего не сказал.

– Ну... раз Вы уже подписали соглашение, то смысла скрывать-цс нет. Капитан просто не умеет объяснять, вот и находит отговорки, – Настенька положила вилку на место и сказала, – Есть группа влиятельных шишек, которые хотят улететь на другую планету и активно собирают таланты для того, чтобы это сделать. Они хотят свалить и оставить всех позади, так как в ближайшее время не будет возможностей всем на Земле перебраться куда-то. Плюс имеет место заточение исследователей – некоторых похищают, причем иногда в открытую.

– Шлучай один ф один, – я внимательно слушал с ложкой во рту, – Одна из вафных фыфек – Цепкин, полагаю?¹

– Да, – незапоминающийся парень придвинулся ближе и заговорчески продолжил, – если бы всё на этом заканчивалось, их всех бы давно посадили. Но исследователи возвращаются, а затем «добровольно» уходят из анклавов, забирая с собой и права на разработки. В твоём случае даже проще – обнаружен на горяченьком.

¹ «Случай один в один. Одна из важных шишек – Цепкин, полагаю?»

– Исходя из этого получается, что права всё ещё при мне, официального разъяснения не выпускали, и-и-и похищение не удалось. Собрал комбо!

– Угу, – тихо поддакнул Тиша.

– На месте Цепкина и его помойных крыс я бы нервничал. Вы хотите довести их?

– Тебя не смогут пустить на органы, пока не согласишься. Сделать это тайно – всё равно что навлечь на себя всех ищек и гнев остальных анклавов. Уже не ускользнут. Тебя могут подержать взаперти, пока не промоют мозги, а затем отпустить. Хороший учёный – живой учёный.

– Ясно... – к горлу подступил тугой ком. Чем больше узнавал, тем больше хотелось раздавить их всех. Этих тварей, пытающихся испортить мне жизнь.

– На Вас есть средство слежения, которое сложно обнаружить, не переживайте. Мы постараемся максимально Вас защитить-цс.

– Спасибо и на том, – я встал из-за стола, даже не поинтересовавшись устройством слежения, как обычно бы сделал – Appetit пропал. До новых встреч.

Живот стянуло мерзкое чувство плотоядной горечи. Троица подумала, что я испугался, но нет – этой ночью я не усну по другой причине. В голове созрел рискованный план, который затащил бы этим ублюдкам петлю на шее, если подойдут ко мне хоть на шаг.

Новый день начался с храпа Тиши и его соседа, Михаила. Имя я узнал уже под вечер и потрудился запомнить. После завтрака позвонила Настенька и сказала, что для опытов мне нашли группу бездельников из других отделов.

Тиша запускал их в комнату по одному, я сидел невидимый, а Михаил записывал их ощущения.

– Тут ничего нет. Это испытание чего-то маленького?

Большинство говорили, что комната пуста. Один из оперативников, пожилой мужчина с нашивкой «аналитик», заявил:

– Я чувствую... чужое присутствие! Ах!.. В груди только что появилось, такое, знаете, давление. И голова кружится, да, да.

Когда он ушёл, я проверил его личное дело. В графе «здоровье» стояла «хроническая мигрень» и что он очень чувствителен к перепадам давления. Возможно, матрица не идеально гасит инфразвук, создавая едва уловимые колебания воздуха. Или по аналитику просто театр плачет. Когда попался ещё один такой болезный, я подтвердил первую догадку.

Те, кто до последнего не знали, что будет тестироваться, позже смотрели на меня как на волшебника из книжек. Что ж, я и правда чувствовал себя словно в сказке.

Потом я провернул то же самое, что и с Беловым. Подхо-

дил к добровольцам вплотную и касался их – плеч, рук, спины. Реакции разнились: кто-то вздрагивал, кто-то ничего не замечал. Одна женщина из администрации утверждала, что чувствовала тепло горячего мужского тела. Я проверил – в момент касания температура кожи действительно была выше обычной. Значит, матрица не до конца блокирует теплопередачу при контакте. Надо это учесть при доработке.

Всё это продолжалось до полудня. К тому времени у меня набралась целая папка данных. Самое важное, что матрица работает стабильно! Правда, чем дольше её использую, тем больше похож на выжатую губку: не смертельно, но и не полезно.

А когда вышел из лаборатории, меня уже ждал Тиша.

– Капитан просил передать, что профессора не поймали, но в его вещах обнаружили прототипы вашей матрицы. Мы запросили помощь соседнего анклава, ждём ответа.

– Всё?

– ...Также капитан спрашивает, отличаются ли они от той, что у Вас.

– Да, и довольно сильно. Моё последнее творение пусть и не идеально, но лучше старых версий!

– Принято.

– Что Артур говорит на этот раз?

– Капитан говорит, что это плохо.

– А дальше?

– ...Конец сообщения.

Пока мы разговаривали, краем глаза я заметил перешёптывающихся в углу сотрудников.

– Сколько лет прошло, но создал нечто подобное мальчик младше моей дочери!

– И не говори... я была не готова к такому. Это же походит на военную разработку, разве нет?

– Как бы не случился очередной конец человечества...

– А я под впечатлением! Хватит нагонять, это же так круто!

Похоже, я ещё долго буду для них темой обсуждения.

«Бау, бау, ба-а-ау» – раздалось вдруг в коридоре. Тревога? Купол сломан, метеорит, что?!

– На Бюро напали, – заметив мои вздернутые брови, ответил бугай.

Вот оно что. Время пришло, значит.

– Прости, но тебе придётся танцевать одному, – крикнул я сопровождающему и тут же перешёл в режим «не вижу».

Он кинулся за мной вдогонку, используя мини-тепловизор. Если бюровские додумались это использовать, то и нападавшие тоже. Кем они были, я даже не сомневался.

По-хорошему, нужно остаться на месте или спрятаться в столовой. Скопление людей – лучшая маскировка. Но... гении мыслят нестандартно, верно?

– Я с самого начала не собирался пассивно ждать! – прошипел я сквозь зубы, вылетая с лестничной клетки в холл первого этажа.

Так было полно сброда с оружием, но меня интересовали самые бронированные. У них на глазах были очки. Пока их приятели боролись с сотрудниками Бюро, двое смотрели по сторонам, словно выискивая добычу.

Я притворился, что прячусь в толпе, помог даже кому-то. Как только заметили – один вытащил из-за пазухи серебристый цилиндр, второй – чёрную коробку. Мерцание – и занавес. Последнее, что я слышал, – противное «зы-и-и» электрошока над ухом.

Глава 4. Странствия дальние

«Ни один анклав, группа анклавов или аффилированное с ними лицо не может обладать исключительным правом на использование, лицензирование или распространение технологии критического значения, если такое исключительное право: а) создаёт барьеры для доступа других анклавов к указанной технологии; б) ставит другие анклавы в зависимость от поставок или решений владельца технологии; в) угрожает выполнению Базового кодекса выживания.»

– Кодекс Объединённых Анклавов, раздел 4 «Технологии критического значения», ст. 42, п. 42.1

Покачиваясь на стуле, я смотрел в потолок. Да уж, ну и местечко они выбрали для тайного логова – никакого чувства стиля. Бетон, бетон, бетон. Для виду меня связали проволокой, но я давно научился раскручивать такие узлы – освободился через пару минут после пробуждения.

Не сбежал я по ряду причин. Во-первых, я не знал, куда бежать, а просто выйти из комнаты и двигаться в неизвестном направлении – такое себе. Я привык действовать по плану. Во-вторых, тут полно камер – они не поленились раз-

местить их везде, где только можно, одну я даже нашёл под своим стулом. И в-третьих, невидимость не работала. Точнее, работала, но не так, как надо. Я уже догадывался, что они соорудили нечто на основе тех прототипов, что выкрали из лаборатории, но и подумать не мог, что они сделают это так быстро! У одного из тех двоих, что атаковали меня, был странный цилиндр, видимо, смесь тепловизора и ещё чего-то. По факту я был всё ещё невидимым, но сигнал извне уже не блокировался, из-за чего я стал осязаемым.

Пока размышлял о том о сём, дверь со скрежетом открылась.

– Очнулся, как погляжу.

В проёме стоял он. Директор института, знаменитый говноед Цепкин. В красном костюме, маске, с аккуратной седой бородкой и с той самой снисходительной улыбочкой, которую я видел сотни раз на общих собраниях. Она всегда меня бесила – будто он во рту улиток разводит, иначе не могу понять, откуда сколько слюней.

– Да уж, радушное приглашение

– А что не так? – Цепкин хмыкнул. – Посмотри на себя – ни ранки, ни синячка! Я внимательно наблюдал за твоим состоянием! – он

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.